

Пролог

Похожий на огромный утюг паровой вездезд, громко запыхтев, выкинул из всех своих пяти труб густое облако пара, взрывая колёсами и носом снег, и выкатил из низины на вершину небольшого холма. Пусть это и было необычно, но на машине не имелось опознавательных знаков, обозначающих принадлежность к какому-либо полису. Серый корпус был частично затянут крупноячеистой сеткой, обшитой белыми кусками ткани, среди которых особо выделялись редкие чёрные лоскуты, а медные и латунные детали были покрыты каким-то специальным тёмным лаком, отчего совершенно не блестели под лучами перевалившего за полдень светила.

Ухнув, машина остановилась. Лязгнул, открываясь, запор верхнего люка, крышка откинулась, а на небольшую, расположенную на носу вездезда смотровую площадку выбрались два человека. Они были довольно похожи и лицами, и подбитыми мехом плащами, так что, если бы не очевидная разница в возрасте, их легко можно бы было принять за братьев. Впрочем, на самом деле мужчины не были даже близкими родственниками, а по поведению старшего становилось понятно, что именно он находится в подчинении у своего спутника, а вовсе не наоборот.

— Петрович, ты уверен, что нам нужен именно этот посад? — задумчиво спросил молодой,

рассматривая в бинокль далёкое поселение, обнесённое средней паршивости частоколом. — Знаешь, я уже начинаю жалеть, что взялся за это дело... Оно вообще того стоит?

— Не могу знать, Михал Иванович, — устало ответил его компаньон, поправляя ушанку. — По последней информации, она вроде бы здесь. Впрочем, новости из Подпёсинска устарели как минимум на две недели, и гарантировать что-либо трудно.

— Вот же не сидится бабе на месте, — поморщившись, пробормотал первый, продолжая внимательно осматривать окрестности. — Ещё буран этот проклятый. Три дня из-за него без толку убили. О! А вон в той рощице, походу, живёт кто-то нехороший! Вон там, почти рядом с посадом...

Старший недоверчиво хмыкнул и, приняв из рук собеседника бинокль, сам принялся рассматривать небольшой лиственный лесок, расположившийся к югу от интересующего мужчин посада. В общем-то, не было ничего странного в том, что, только взглянув на опушку, его спутник смог определить наличие скрывающихся в чаще чудовищ. В мощную оптику легко можно было различить как многочисленные поваленные, измочаленные могучими челюстями стволы, так и содранную огромными когтями кору на крупных деревьях.

К тому же, как по заказу, над, казалось, спящими, покрытыми снегом полями и многочисленными рощами, словно разбросанными неким великаном до самого горизонта, разнёсся душераздирающий рёв. Протяжный, скрипучий, как будто сам по себе обладающий эхом.

— Михаил Иванович, да тут повсюду заражение пятой или шестой степени! Тварей немерено! — хмыкнул старший, рассматривая в этот момент что-то заинтересовавшее его в другой стороне от поселения. — Вон как драпанули болезные. Пущевики побежали! А там, на опушке, Анука стоит. Опасность для себя высматривает.

— Анука — это нехорошо... — пробормотал молодой, задумчиво почёсывая светлую щетину на подбородке. — Но хоть и монстры, а понять их можно. Голосистая тварюшка явно немаленького размера, да к тому же чем-то очень расстроенная. Только вот по вокальным данным я её что-то никак не признаю.

— Может быть, воронов мишка? — предположил Петрович. — Вроде похоже, да и привычны они территорию когтями метить.

— Ну, если и мишка, то очень большой, — покачал головой его спутник. — Ладно... я пошёл!

— Погоди, Михаил Иванович! — схватил старший за локоть молодого, уже хотевшего перепрыгнуть через ограждения смотровой площадки. — Может, всё же паровик к воротам подгоним? Опасно ведь!

— Опасно не опасно, а дело само по себе не делается, — отмахнулся мужчина. — Побереги технику, Петрович, нам ещё домой возвращаться. Да и устал я уже от этой консервной банки. Лучше так косточки немного разомну.

— Как бы тварь эта сама их вам не размяла, — пробурчал спутник, отпуская тем не менее его руку.

— Да не бойсь, Петрович, — усмехнулся Михаил. — Защитный купол посада близко. Даже отсюда чувствуется, что он довольно-таки сильный. Чародей я или нет — уж быстро бегать в любом случае умею.

Всё, давай. Либо скажи Люде, чтобы вездезд здесь держала, либо отгоните его вниз, под холм, чтобы тварей лишний раз не нервировать.

С этими словами мужчина перепрыгнул через перила и, ловко проскользив по бронированному носу паровика, зашагал прямо по насту, ни на сантиметр не проваливаясь в глубокие сугробы. Мягкое серебристое свечение живицы под его сапогами было практически незаметно на фоне белой корки тонкого льда, и казалось, будто он, словно призрак, парит над заснеженной равниной. Только почти неразличимые следы, остающиеся за его спиной, говорили о том, что это всё-таки человек из плоти и крови.

Минут через пятнадцать неспешной ходьбы Михаил достиг границы невидимого охранного купола и, ещё больше замедлившись, прошёл сквозь него, охваченный на мгновение золотистым сиянием. Это было своего рода правило хорошего тона в этой дикой местности, позволить таким образом жрецу Древа полностью прочувствовать незваного гостя, вторгшегося на охраняемую им территорию, показывая, что ты пришёл в поселение с миром. В противном случае он и панику мог бы поднять в посадке, решив, что на них кто-то нападает.

Очень скоро мужчина оказался перед закрытыми воротами и остановился, задрал голову вверх и глядя на двух охранников, наблюдавших за ним с подмостков, проложенных по верху частокола.

— Доб-здраве, добрые люди, — поприветствовал он хмурых посадчан, крепко сжимавших в мохолистых руках длинные копья с коваными наконечниками, имевшими под остриём металлическую рогульку.

Ещё несколько человек, вооружённых луками и тяжёлыми пехотными стреломётами древней конструкции, прятались за многослойными плетёными городинами, периодически выглядывая из вырезанных в них окошечек-бойниц. Впрочем, в Михаила никто не целился, а потому чародей предпочёл просто не обращать на этих наблюдателей внимания.

— И тебе здрав будь, коли не шутишь, — не очень дружелюбно ответил один из охранников. — Что тебе надобно, чародей?

Собственно, не очень радушное приветствие было скорее всего вызвано дымящим на дальнем холме огромным паровиком, явно нервирующим расположившихся на стене стражей. Пусть путник и пришёл к ним в одиночку, но и дураку было понятно, что приехал он сюда в компании. Так что привыкшие ожидать от жизни худшего мужики вполне могли предположить, что в то время, как чародей отвлекает их внимание, его спутники проникают в посад, претворяя в жизнь какие-то тёмные замыслы.

— Я ищу одну женщину, чародейку, — честно ответил Михаил, не видя особой причины скрывать. — Примерно две недели назад она покинула Подпёсинск и, по словам местных жителей, собиралась направиться к вам в Ясные Травы. Мне срочно нужно с ней поговорить, и после этого я сразу уйду.

— Есть здесь такая, — переговорив с товарищами, ответил стражник. — Бают, страшная, что смертный грех, с мордой исполосованной и повязкой на правом глазу...

— Да, это она, — кивнул мужчина, но охранник ещё не закончил.

— Пришла дней десять назад. За работу взялась, верлиоку, что в соседней роще обосновался, извести, — продолжил стражник. — Деньги взяла и с тех пор из таверны не вылезала. Всё брагу глушит!

Михаил только горестно покачал головой. Сам он с Марфой Александровной никогда не встречался, однако в клане об этой женщине ходили очень разные слухи. В большинстве своём не очень лестно характеризующие чародейку. И ещё меньше понятным было, что, собственно, подвигло старейшин возложить именно на неё ту задачу, о которой ему было поручено сообщить грозной воительнице. Ведь совершенно неподходящий же человек.

Десять лет назад эта женщина, можно сказать, покинула клан и с тех пор бессистемно бродила по посадкам, нигде особо не задерживаясь. Собственно, не ликвидировали её ещё как отступницу только по той причине, что та исправно и, не бунтуя, выполняла любые поручения Совета. Вот только чтобы доставить их, кому-то приходилось изрядно попотеть, ища Неловимую Марфу. И вот в этот раз честь побыть таким мальчиком на побегушках выпала именно ему, далеко не последнему в своей ветви человеку, у которого и так своих забот полон рот, а он был вынужден бросить всё и уже полтора месяца мотаться по долам и весям, разыскивая эту склочную бабу.

Особую пикантность всему этому делу придавало то, что у Марфы имелось любимое занятие: бесить посадских простецов, доводя старост буквально до белого каления, а местных баб и старух до иступлённого визга. Обычно приходя в новое поселение, чародейка бралась за какую-нибудь работу, связанную с уничтожением монстров, сразу же требуя полную

цену. Вот только, если довольный глава деревни думал, что она сразу же с мечом на изготовку помчится выполнять заказ, он сильно ошибался.

Вместо этого Марфа демонстративно проводила дни, глуша выпивку по кабакам и крутя бесчисленные интриги с молодыми юношами и красивыми мужиками, не обращая никакого внимания на то, женат попавшийся ей тип или свободен. Несмотря на то что чародейке было уже под пятьдесят, некогда красивое лицо её было изуродовано страшными шрамами, а правый глаз она потеряла в бою с аватаром стихии металла, в котором погибли оба её уже взрослых сына, она странным образом имела удивительную притягательность для мужчин и пользовалась этим без зазрения совести.

Обиженные жёны и многомудрые старухи в селениях, по которым прошлась Марфа, называли её не иначе как «ведьмой», свято веря, что их мужья и сыновья спутались с этой «шалавой» не по доброй воле. Повизгивая от возбуждения и истекая слюной, следуя за ней на карачках прямиком на сеновал, ещё на полпути сдирая портки, они, безусловно, были околдованы злодейкой, которая, по мнению баб, была даже хуже продажной женщины, потому как денег не брала, а занималась любовью исключительно ради собственного удовольствия. В то время как многие из этих ревнительниц справедливости сами радостно скрашивали Михаилу долгие зимние ночи, зачастую прямо в супружеской спальне, за пять-шесть рубликов готовые ублажать «дорогого гостя» ровно столько раз, сколько потребуется.

Всё это, а также полное непонимание простецами-обывателями особенностей охоты на чудовищ,

из-за чего они очень сильно обижались, думая, что напиваясь и развратничая, чародейка просто тянет время, пользуясь их гостеприимством, очень затрудняло Михаилу поиски. Зачастую она уходила из посада, никому ничего не сказав, а вместе с ней навсегда исчезал и заказанный ей монстр. Но всегда встречались злые язык, которые утверждали, что женщина просто сбежала, прихватив незаслуженную плату. А монстр либо сам ушёл, испугавшись доблестных посадчан, либо сама Марфа навлекла на них беду, чтобы потом вроде как с ней разобратся!

— Так я могу войти? — поинтересовался Михаил, всё так же выжидающе глядя на стража.

— Можешь. Токмо в посаде не балуй! — принял, наконец, решение второй, не вступавший до этого в разговор охранник. — Детей своим колдовством не пугай, драк не устраивай, на баб наших не заглядывайся и юнцов на сторону не сманивай!

— Не буду, — покладисто согласился с выставленными условиями чародей.

Собственно, примерно то же самое говорили практически во всех поселениях, которые во время своей миссии он вынужден был посетить. Вот только сами местные первыми радостно забывали о своих же правилах. Детишки толпами носились за одарённым с воплями: «Дяденька, жхни!» И неизменно пытались выяснить, может ли Михаил летать и ещё какую-нибудь ерунду. Вроде фокусов с глотанием шпаг, которые обычно демонстрировали на ярмарках лицедеи. На драки местных выпивох и провоцировать было без надобности, размять кулаки любили во всех посадах, и непременно находился доморощен-

ный герой, который бахвалился, что уж он-то «этого колдунишку» одной левой! Ну а табу на общение с женским полом исчезало в тот же момент, когда аборигены понимали, что гость к ним пришёл не с пустыми карманами. Тогда уже сами ревнивые мужья и строгие отцы начинали таскать друг друга за бороды, лишь бы первому успеть предложить чародею кров и постель на ночь, а также супругу-молодуху или любимую дочку.

— Тебе, человек, лесенку скинуть или так забраться? — без особого интереса спросил первый из вступивших с Михаилом в разговор стражников, мотнув головой на ворота, к которым намело немалого размера сугроб.

— Да сам уж как-нибудь, — хмыкнул чародей и просто взошёл вверх по грубо отёсанным кольям, быстро оказавшись на подмостках возле пивившихся на него охранников.

Он мог бы, конечно, и просто запрыгнуть, однако такой уж был у Михаила характер, что лишний раз показывать свою удаль он не любил. Никогда не считал подобное лихачество чем-то достойным и, будучи в определённой мере флегматиком, предпочитал по возможности действовать не спеша и согласно ранее разработанному плану.

— Так, где, говорите, мне найти ту женщину? — поинтересовался он у стражей, быстро окинув профессиональным взглядом их тёплые зипуны, явно пошитые под кафтаны холмгарорских армейцев, которые здесь, ближе к Сыктывкарю, зачастую называли на московский манер «новгородцами», подбитые железными пластинами сапоги и меховые треухи с синим суконным верхом.

— Тык, в кабаке она, небось. «У Ярофея». Если, конечно, кто уже опять на сеновал не утащил! — ответили ему, и некоторые из мужиков заухмылялись, с явным превосходством посматривая на гостя, судя по всему, углядев определённое сходство с обсуждаемой особой.

Впрочем, Михаилу на эти взгляды было как-то по барабану. Кивнув в знак благодарности, он просто спрыгнул со стены и зашагал по центральной улице, без особого интереса посматривая по сторонам. Чародей уже привык к тому, что любовные похождения Марфы вызывали у посадских мужиков подобную реакцию. Мол, вона мы какие в нашем Запердольске удалые да неотразимые! Даже пришлые чародейки и те не могут устоять перед настоящими мужиками!

В общем-то, в большинстве посадов и посмотреть было не на что. Из достопримечательностей: Храм Древа, рынок да большой дом старосты. Иногда ближе к Холмгарёру к этому списку добавлялся «Большой дом», служивший местом общинных сборов, он же был центром кучкования посадской воинской дружины. Но это только в том случае, если поселение было достаточно большим, чтобы, освободив некоторые рабочие руки, позволить себе содержать десяток-другой тренированных профессионалов вместо обычного плохо обученного ополчения.

В остальном же различались домики, далеко не всегда бывшие одноэтажными пятистенками, самобытной резьбой или даже коваными элементами. Однако после пяти-шести посещённых посадов всё это народное творчество приедалось и воспринималось просто как фон, в то время как на первый план

выходили люди, их наряды и быт. Именно эти детали и примечал Михаил, бодро шагая вдоль невысоких заборов, за которыми всюду кипела жизнь: брехали кабысдохи, натягивая закреплённые на будках и столбах цепи; гомонила птица, разрывая лапами снег; суетились женщины и девушки, занимаясь домашними делами, дымили трубы и слышались звуки рабочего инструмента из некоторых хозяйственных построек.

Естественно, что новый человек, появившийся в таком вот замкнутом социуме, да ещё в зимнюю пору, вызывал у аборигенов определённый интерес. Так что мужчина вполне мог рассматривать посадчан, которые сами пялились на него, не опасаясь показаться невежливым или нарушить какие-нибудь местные неписанные правила. Глаза аборигенов были узкими, чуть раскосыми, *уже*, чем у тех, что проживали близ Москвы или Холмгарёра, люди имели четче выделенные скулы и острые подбородки. А вот носы их не были приплюснуты, как у жителей селений восточнее Сыктывкара. В общем-то, можно сказать, что их женщины с длинными каштановыми косами были красивы. Мужчины же, остригая волосы на голове и отпуская усы, странно подбрасывали бороду, оголяя подбородок, отчего на морозе, особенно у стариков, казалось, что с лица свисают две натуральные сосульки.

Нужный кабак, «У Ярофея», на вывеску которого хозяин расщедрился и где-то добыл холмгарёрские светящиеся трубки, Михаил обнаружил в нескольких дворах от пустующей нынче рыночной площади, в этом посаде занимающей центральное место на пересечении двух больших улиц. Тёмное двухэтажное